

Юрий Белов

**КОММУНИСТЫ
И РУССКОЕ
ПРАВОСЛАВИЕ**

Москва – 2011

Статья известного публициста и историка из Санкт-Петербурга Юрия Белова, члена Центрального Комитета КПРФ, посвящена взаимоотношениям коммунистов и православных верующих. История XX века переплела их судьбы самым тесным и поучительным образом. Сегодня этот уникальный опыт нередко становится объектом искажений и откровенных фальсификаций. Внимательное исследование вопроса Ю.П. Беловым помогает точнее и честнее оценить важные страницы нашего прошлого.

КОММУНИСТЫ И РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

История отношений коммунистов и верующих в России есть история единства их судьбы, что и не могло быть иначе. Крестьянство, составляющее громадное большинство русского народа, сплошь было православным в начале XX века. Крестьянская православная Россия доверила свою судьбу коммунистам в октябре 1917 года. С тех пор и до августа 1991 года историческая судьба коммунистов и верующих была единой – социалистической. Понятно, что это противоречило разрушительным устремлениям идеологов и организаторов реставрации капитализма в России. Им надо было взорвать и уничтожить морально-политическое единство коммунистов и верующих во что бы то ни стало. И это, увы, им удалось. Русское православие оказалось заложником социального и духовного порабощения столь великой недавно державы.

От октября 17-го и до раскольничьей перестройки

До начала октябрьской горбачевской перестройки, и даже в ее годы, Русская Православная Церковь стояла на позиции «коммунистического христианства», настраивала верующих на искреннюю поддержку внутренней и внешней политики общенародного Советского государства. Путь Церкви к этой позиции, о чем еще скажем, был нелегким: от непризнания Советской власти и выступления против нее до полной ее поддержки. Церкви пришлось считаться с интересами православных, для которых Советская власть была их властью, а социализм – выражением их чаяний социальной справедливости. Практика социалистического преобразования России обязывала церковных иерархов не только признать новую реальность, но и осмыслить ее, обновить каноны богословия. В 20-е годы XX века возникло движение за обновленческую Церковь, идеологи ее отстаивали принципы «христианского коммунизма» и утверждали, что «христианство есть религия благодатного труда для устроения жизни человека на земле».

К сожалению, в советское время об обновленцах ничего не говорилось. Ничего не говорится и сейчас, и понятно почему: обновленцы осудили капитализм как «смертный грех» и признали социальное неравенство «недопустимым для христианина». Идеологи обновленческой Церкви настаивали: «Церковь должна быть не только лояльной к Советской власти, но и открыто признать, что эта власть мирскими методами проводит Христовы идеалы социального равенства в жизнь». Потому сегодня иерархи Русской Православной Церкви (РПЦ) ни слова не скажут об обновленцах 20-х годов минувшего века. Но усилия последних не были напрасны. Чем дальше, тем больше идеологи русского православия утверждали в сознании верующих богословское положение о христианских истоках социально-нравственных принципов и идеалов социализма и коммунизма.

В 1959 году в журнале Московской патриархии можно было прочесть: «Не только в вопросе войны и мира, но и в деле построения наиболее справедливого общества наши верующие, наша Церковь не имеют мнения другого, чем наши секулярные сограждане – марксисты, которые руководят обществом. Мы не расходимся с ними в понимании основных задач человечества в этой жизни». Данное заявление можно воспринять как приглашение коммунистов к диалогу. Но сама мысль о его возможности вряд ли возникала тогда у иерархов Церкви. У руководства же КПСС ее вовсе быть не могло: то было хрущевское время, когда дали о себе знать затихшие было отголоски воинствующего атеизма. Возрождение его не состоялось, но сталинская линия, чего еще коснемся, мирного сосуществования Советской власти с русским православием как явлением русской культуры оказалась прерванной. Однако же в 1961 году в принятой XXII съездом КПСС Программе партии значился моральный кодекс строителя коммунизма, вмещающий в себя переведенные на партийный язык основные заповеди христианской морали... Позади остались драмы и трагедии Гражданской войны, ее реальное завершение в конце 30-х годов XX века. В годы Великой Отечественной войны русское православие сыграло свою

видную роль в укреплении у верующих советских людей духа победы над врагом. Несомненен вклад русского православия в Великую Победу и послевоенное возрождение страны.

У Патриарха Московского и всея Руси Пимена имелись все основания утверждать в 1980 году: «Являясь гражданами и патриотами нашей великой социалистической Родины, мы всеми доступными нам средствами поддерживаем ее миролюбивую внутреннюю и внешнюю политику, которая отвечает чаяниям народов мира». Ничто не предвещало разлада Русской Православной Церкви с Советским государством. Гражданская война осталась в исторической памяти. Ее раны зарубцевались. Вдохновителям варварской перестройки из «пятой колонны» ничего не оставалось, как разбередить их для достижения своей цели – раскола советского народа. Они сделали это с циничным расчетом нанести удар по самому дорогому, что было в исторической памяти советского человека, – по его благодарному отношению к Ленину. Это отношение, рожденное в сознании русского крестьянина (прежде всего с Лениным он связывал решение векового вопроса о земле), передавалось из поколения в поколение. Чрезвычайное почитание пролетарского вождя в народе западные советологи называли «комплексом Ленина». Долгие годы они ломали головы над тем, как его разрушить. В перестройку это попытались сделать силами «пятой колонны». Было предано гласности неизвестное дотоле письмо Ленина секретарю ЦК РКП(б) Молотову от 19 марта 1922 года.

Скажем кратко о предыстории этого письма. 23 февраля 1922 года для преодоления народного бедствия – голода в Поволжье от страшной засухи, – иными словами, для спасения жизни миллионов людей Советское правительство приняло декрет «Об изъятии церковных ценностей для борьбы с голодом». Патриарх Тихон выступил с призывом противодействовать исполнению данного декрета, что привело к вооруженным антисоветским выступлениям части духовенства и верующих. В упомянутом письме Молотову Ленин высказался за принятие самых суровых мер по отношению к открытым врагам Совет-

ской власти, прикрывающим рясой и именем Христа свой отказ от помощи голодающим: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Жестокие слова... Они объяснимы и оправданы жестокостью борьбы с Советской властью реакционного духовенства (о нем ведь речь у Ленина, никак не о всем духовенстве и большинстве православных, не жалевших своей жизни для победы народной власти). Сказать об этом в теле- и радиоэфире, в печати в перестроечную пору было невозможно. Какой скулеж о кровавом большевизме исходил тогда из средств массовой информации, заполоненных интеллектуальной плесенью, – коротичами, карякиными, клямкиными и проч. Вой был поднят именно теми, кто еще недавно пел осанну Ленину, прилюдно превращая его в икону, а заглазно глумился над Советской властью и в кухонных пьяненьких откровениях ерничал над коммунистами. Им было до Иисуса Христа и до русского православия как до оледенения Европы – наплевать, да и только. Но теперь они били в патриотические бубны и выступали защитниками русского народа: «Большевики – губители Святой Руси!», «Какое святотатство!» и т.д., и т.п.

И, увы, находились наивные и простодушно доверчивые среди верующих, принявшие русофобов за русофилов. Их сознанием умело манипулировали, отводя внимание от того факта, что Ленин говорил о необходимости карательных мер не за приверженность православной вере, не за религиозные убеждения, а за преступления перед Советским государством. Он отлично знал, что из себя представляет реакционное духовенство и какую опасность оно несет для трудового народа. Оно отражало и защищало интересы помещиков и буржуазии и боролось за возвращение их власти, нередко с оружием в руках, в рядах белогвардейцев. Многочисленные кадры военного духовенства служили в Белой армии: у Колчака их было несколько тысяч, у Деникина – более тысячи, у Врангеля – более пятисот. Монасты-

ри служили опорной базой белых, в них хранились запасы оружия, боеприпасов и находили убежище контрреволюционеры. Не о каждом монастыре речь, но немало их являлось тайными опорными пунктами антисоветской деятельности.

Это засвидетельствовано С. Есениным в стихотворении «Русь неприютная». В нем поэт представляет жестокие откровения монахов-антисоветчиков: «И говорят, забыв о днях опасных: «Уж как мы их... Не в пух, а прямо в пах... Пятнадцать штук я сам зарезал красных, Да столько ж каждый, всякий наш монах». В 1918 году комиссар продотряда Макаров был растерзан монахами одного из монастырей за то, что он требовал поделиться запасами хлеба с голодающими. О подобных фактах не мог не знать Ленин. Знал. У него было право на жестокие слова.

В ленинский период

Контрреволюция не могла обойтись без религии. Она нужна была ей для оправдания своих злодеяний, для «освящения» классовой ненависти бывших господ именем Бога, для удержания в духовном рабстве тех же крестьян (бедняков и середняков), насильно рекрутируемых в Белую армию. Не только православные священники из числа ярых антикоммунистов, но и служители других конфессий оказались в стане контрреволюции. В деникинской армии наряду с полковыми попами несли свою службу муллы, во врангелевской – капелланы (католики). В армии Колчака действовали старообрядческие «дружины святого креста» и мусульманские «отряды зеленого знамени пророка». Не случайно Ленин говорил о реакционном духовенстве, не выделяя только лишь служителей православной христианской религии.

В Гражданскую войну трудящийся православный мир сделал свой выбор – пошел воевать за Советскую власть. Были и священнослужители, оставшиеся с народом, те, что во все времена делили с ним все тяготы и лишения. Это о них легендарный генерал Брусилов, православный по вере, принявший народную власть и пошедший на службу в Красную армию, писал, вспоми-

ная о кровавых сражениях Первой мировой войны: «В тех жутких контратаках среди солдатских гимнастеров мелькали черные фигуры – полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких простым евангельским словом и поведением... Они навсегда остались там, на полях Галиции, не разлучившись с паствой». Не все служители русского православия в годы Гражданской войны разделяли враждебное отношение к Советской власти патриарха Тихона и его окружения.

Случилось и имевшее большой резонанс в православном мире ослушание патриаршей воли. Произошло это не где-нибудь, а в Петрограде в 1922 году. Настоятель церкви Захария и Елизаветы отец Александр Введенский во время вечерней службы в присутствии прихожан передал в фонд помощи голодающим всю серебряную и золотую утварь своего храма. При этом он снял с шеи массивный золотой крест и положил его поверх передаваемых государству драгоценностей. Патриарх Тихон лишил отца Александра священства. Однако настоятель не сложил с себя сана, а пошел на раскол: он основал свою особую Церковь (обновленческую) и назвал ее Живой, став ее митрополитом. В своих проповедях призывал верующих поддержать Советскую власть. В дальнейшем, в начале 30-х годов, раскол был преодолен.

Гражданская война – война классовая. Но это еще и война братоубийственная, с невинными жертвами, в том числе и среди духовенства. То была война с разрушением древних памятников культуры – церквей, соборов, храмов. Было ли это следствием воинствующего атеизма ретивых ультра-р-р-революционеров из «левых» коммунистов? Да, но лишь отчасти. Главной причиной разрушений явился многовековой социальный гнев эксплуатируемых, униженных и оскорбленных. Гнев этот Пушкин назвал русским бунтом. В своем исследовании «История Пугачева» он представил картину бессмысленного и беспощадного бунта. Вот как, в описании Пушкина, выглядела Казань после взятия ее Пугачевым: «Состояние Казани было ужасно: из двух тысяч осьмисот шестидесяти семи дворов, в ней находящихся, две тысячи пятьдесят семь сгорело. Двадцать пять церквей и три мо-

настыря тоже сгорели. Гостиный двор и остальные дома, церкви и монастыри были разграблены». Как видим, социальный гнев не миновал Церковь в годы Крестьянской войны во второй половине XVIII века. Он обрушился на Церковь и после Октябрьской революции 1917 года, потому как она напроочь была связана с ненавистным народу царским режимом – режимом буржуазно-помещичьей власти. Русская Православная Церковь расплачивалась за верную службу прогнившему самодержавию.

После Октябрьской революции резко изменилось прежде всего социально-экономическое и политическое положение Русской Православной Церкви. Она перестала быть крупным собственником и влиятельной государственной структурой. 23 января 1918 года Совнарком РСФСР принял подписанный Лениным декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». По этому декрету гражданам гарантировалась свобода совести – право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Церковь лишилась крупной земельной собственности (владела почти шестью миллионами десятин земли) и действующих на частнокапиталистической основе промышленных и торговых предприятий (84 завода, 1112 доходных домов, 704 гостиницы и пр.). РПЦ утратила главный источник своего богатства – принудительно взимаемую со всех православных церковную десятину и постоянные государственные субсидии. Ей предстояло жить теперь на добровольные пожертвования верующих («доброхотные даяния»).

Все это не могло не вызвать крайне враждебного отношения церковных иерархов к Советской власти. В октябре 1918 года Поместный собор РПЦ в своем обращении к духовенству и верующим назвал Октябрьскую революцию «нашествием антихриста». Здесь заметим, что нынешние иерархи РПЦ воспроизводят эту пережиточную характеристику Великого Октября. И делают они это тем более рьяно, чем более активно олигархически-криминальное государство возвращает Церкви изъятые Октябрьем монастырские земли, причем в размерах, которые вряд ли могут быть освоены весьма скромными силами монахов.

Не скупится «демократическая» власть и на льготную поддержку частнопредпринимательской деятельности священнослужителей. Как это все отвечает проповеди христианского постулата о нестяжательстве? Вопрос риторический. Впрочем, как и другой: не возвращается ли Русской Православной Церкви статус крупного землевладельца, собственника? Последствия ее такого положения истории хорошо известны.

Но вернемся к положению РПЦ в первые советские годы. Оно было трудным не только потому, что Церковь перестала быть государственной. Но еще и потому, что ее не обошла стороной эскалация насилия, не в последнем счете вызванная разрухой, хаосом и анархией, доставшимся Советской власти в наследство от буржуазного Временного правительства. Священный синод это правительство признал, отрекшись (!) от «помазанника Божьего» – царя Николая II. Теперь Церковь пожинала плоды «деяний» временщиков. Власти трудящихся пришлось принимать быстрые и жесткие меры для обуздания анархического варварства. Здесь самое время сказать о роли Ленина как главы Советского правительства в обеспечении гарантий свободного вероисповедания, в защите гражданских прав духовенства.

В 1918 году, в условиях разрухи, начавшейся Гражданской войны, Ленин подписал постановление Совнаркома о создании Всероссийской реставрационной комиссии. Ей в ряду прочего вменялось в обязанность обеспечить сохранность религиозных сооружений, имеющих культурно-историческую ценность. В 1918–1921 годах Ленин часто обращался к нарктому юстиции Курскому по вопросам правозащиты церковной деятельности. Приведем лишь некоторые ленинские обращения и поручения нарктому юстиции:

- ноябрь 1918 года – поручение провести немедленное и строжайшее следствие по делу об оскорблении бывшего митрополита Московского Макария во время богослужения в Николо-Угрешском монастыре;
- февраль 1919 года – просьба спешно разрешить делегации патриарха Московского и всея Руси выехать к константинопольскому патриарху для обсуждения общецерковных вопросов;

- февраль 1919 года – просьба назначить расследование и принять меры для отмены постановления Костромского реввоенсовета о необоснованном закрытии монастыря;
- май 1919 года – требование провести строжайшее расследование по фактам, изложенным в жалобе казанской общины евангельских христиан на их притеснения местной Советской властью;
- январь 1921 года – просьба рассмотреть обращение прихожан церкви при Военно-медицинской академии (суть обращения – отменить решение о превращении церкви в клуб).

Ленин не оставил без внимания ни одного обращения к нему верующих. И это в то время, когда полыхала Гражданская война, решался вопрос – кто кого. Чем объяснить столь чуткое отношение пролетарского вождя к вопросу правообеспечения свободы вероисповедания? Чтобы лучшим образом ответить на данный вопрос, есть смысл прояснить для себя ленинское отношение к религии. В наиболее концентрированном виде оно выражено в статье «Об отношении рабочей партии к религии». В ней Ленин без долгих предисловий заявляет: «Мы должны бороться с религией. Это азбука **всего** материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо **уметь** бороться с религией, а для этого надо **материалистически** объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии». Последнее, по Ленину, означает устранение «**господства капитала** во всех его формах» – экономической, политической, идеологической, культурной и нравственной.

Уметь бороться с религией, по Ленину, значит не перескакивать из царства необходимости в царство свободы – не требовать от каждого атеистического воззрения при переходе к социализму. Вслед за Марксом и Энгельсом Ленин решительно

осуждает якобы революционную идею о запрещении религии в социалистическом обществе, прекрасно понимая, что освобождение от религиозных предрассудков, формируемых тысячелетиями, не произойдет быстро, одноактно, что отмирание религии займет целую историческую эпоху. Ее, религию, нельзя «отменить» декретами. Это, что доказано историей, приведет только к усилению ее влияния в обществе. Как материалист-диалектик, Ленин требовал от партии коммунистов умения «терпеливо работать над делом организации и просвещения пролетариата, делом, ведущим к отмиранию религии, а не бросаться в авантюры политической войны с религией».

И в советское время Ленин был решительным противником «революционного максимализма» в отношении к религии, ибо отлично понимал: отделение Церкви от государства никоим образом не означает отделения религии от людей. Здесь он следовал тому постулату Маркса, что только в преобразующей деятельности люди меняют земной мир и самих себя. Иными словами, освобождая земную жизнь от господства капитала, они освобождаются от веры в жизнь на небесах. Главное условие для этого – гарантия свободы совести. В августе 1921 года ЦК РКП(б) по инициативе Ленина принимает постановление, в котором говорится: «...По вопросу об антирелигиозной агитации дать директиву всем партийным организациям и всем органам печати не выпячивать этого вопроса на первое место... Тщательно избегать всего, что давало бы повод какой-нибудь отдельной национальности думать, а нашим врагам говорить, что мы преследуем людей за их веру».

Именно политика недопущения вульгарного, авантюристического атеизма и, главное, политика вовлечения трудящихся в преобразующую деятельность привела в конечном итоге к отходу от веры в Бога многие массы вчерашних верующих. На это ушла целая советская эпоха – великая! В 80-е годы минувшего века истых верующих в СССР было не более 10%. С реставрацией капитализма в России произошла реставрация религиозных взглядов в массовом сознании, что и понятно: реставрировались

социальные основы религии. Ленинская зарисовка социально-психологической подоплеку веры в Бога вполне приложима к сегодняшнему дню свинцовой российской действительности: «Страх создал богов. Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, – вот тот **корень** современной религии»... Разве это не актуально в наше время?

Столь же, увы, актуальна и опасность для русского человека в олигархически-чиновничьей России потерять свою связь с русским миром, потому как его, человека, методично уничтожают – уродуют его родной язык, взрывают его общинно-коллективистский образ жизни, превращают святыне ценности его морали в товар: честь, совесть, долг – все на продажу. Великую русскую культуру бросают на панель, где торжествующе-бесстыдно исполняет свой ритуальный танец победительницы «массовая культура». Страдающего Христа загнали в рок-оперу и глумятся над христианскими заповедями нравственности. Русский человек обращается к Церкви как к последнему духовному очагу. Этим можно объяснить приход к вере в Бога многих, кто считает себя русским. Большинство находит в ней утешение, но все ли находят удовлетворение главной своей потребности – в социальной справедливости? Храмов и монастырей, монастырских земель все больше и больше, но больше ли социальной справедливости в современной России? Вопрос, от которого никому никуда не уйти – ни атеистам, ни верующим. Последние видят сплошь да рядом циничное глумление над святыми заповедями Христа: «Не убий!» – убийство стало делом обыденным, убивают даже детей и родителей своих; «Не укради!» – крадут чуть ли не все, причем чем выше стоит человек на лестнице богатства и власти, тем он крадет больше; «Не прелюбодействуй!» – разврат пошел дальше: взрослые принуждают к нему маленьких детей, оставаясь безнаказанными... Верующих стало больше, нравственности – все меньше и меньше...

Но вернемся к первым годам Советской власти. Почему все же громадное большинство православных пошло за большевиками, за Лениным, поверило Советскому государству? И это при том, что официальная Церковь в лице патриарха Тихона открыто заняла антисоветскую позицию, а от стихийного насилия пострадали храмы, монастыри, священнослужители? Чтобы дать более полный ответ на поставленный вопрос, надо вспомнить, что существовало и существует русское народное православие.

Важнейшее событие в истории русского народа – Крещение Руси в 988 году обратило русских в христиан, но не уничтожило языческих норм нравственного отношения прежде всего к земле и окружающему миру. На вере в землю, как источник людской жизни, на чрезвычайном к ней уважении (когда драли ее плугом или сохой, то просили у нее прощения) строилось все русское земледелие. «Земля – Божья!» – так говорили древние русичи и свято верили, что она достояние общее и кому-то одному принадлежать не может. Такое отношение к земле навечно вошло в русское православие. «Земля – крестьянам!» – этот ленинский лозунг был высшим выражением социальной справедливости для русского крестьянина-христианина. Мир – Русь – Россию он воспринимал как большую общину, как общину общин, как землю Русскую, которую в час беды надо спасать всем миром, не щадя живота своего. С языческих времен утвердились нравственные нормы бытия, легшие в духовную основу русского патриотизма: «на миру и смерть красна», «мертвые сраму не имут», «пострадать за други своя».

Народное православие, считая землю даром Божиим, выше всего чтит труд пахаря, возводило в добродетель воздержание от материальных излишеств, самоограничение в удовлетворении мирских потребностей, нестяжательство. Обычные крестьяне, добывающие хлеб насущный в поте лица своего, обходившиеся минимумом житейских удобств, ушедшие от мирской суеты и посвятившие свою жизнь очищению и совершенствованию своей души, почитались в Древней Руси как святые праведники. Они имели куда больший нравственный авторитет в крестьянском

мире, нежели священнослужители. Не случайно великий князь Дмитрий пред Куликовской битвой, когда впервые в русской истории возникла нужда в народном, крестьянском ополчении, обращается с просьбой помочь собрать это ополчение не к митрополиту Московскому, а к Сергию Радонежскому – святому старцу, праведнику. Почему? Да потому, что Сергей – главный авторитет в русском крестьянстве: он делал всю крестьянскую работу и жил праведно. Как только на смену старцам-праведникам пришли самозванные «святые» типа Григория Распутина, не знающие честного труда, авторитет Церкви страшно пал. Случилось это, когда капитал с его рынком (все на продажу!) надвинулся на Россию.

В сталинскую эпоху

Русское народное православие, выработавшее и хранившее в себе трудовую мораль, этические нормы поведения в быту, в семье, общине, в жизни, проникшее в недра народного сознания, оказало сильнейшее влияние на формирование того, что Сталин называл своеобразием психического склада, национальной культурой и национальным характером. Именно по национальной культуре и национальному характеру русского человека бил вульгарный атеизм ультралевых. Он был воинствующим и нанес немалый ущерб нравственному здоровью советского общества в довольно длительный период борьбы за власть в правящей РКП(б) – ВКП(б) между сталинским большинством и троцкистско-зиновьевско-бухаринским меньшинством. В данный период, с 1924 по 1934 год, антисталинская оппозиция (левые и правые уклонисты), представители которой занимали ключевые посты в системе политпросвета, образования и просвещения, органах госбезопасности и правопорядка, сумела существенно поколебать традиционные нравственные устои народной жизни, целенаправленно размывая ее русские начала.

В школе, да и во всем обществе пропагандировалась любовь только к рабочему классу и партии, но никак не к Родине и народу. Отрицалась вся история России, с древнейших времен и до

Октябрьской революции 1917 года. Виднейшие ученые, составлявшие славу отечественной исторической науки, лишались работы, многие из них оказались в заключении. Разгул русофобии, прикрываемый революционным фразерством, – особая тема, требующая особого рассмотрения.

Мы остановимся лишь на том, что коснулось чувств православных христиан – многих миллионов русских. В рассматриваемый период, по признанию Троцкого, была предпринята попытка «разрушить так называемый «семейный очаг», т.е. архаическое, затхлое и косное учреждение». В быту популяризировались гражданские браки, проводились молодежные акции под лозунгом «Долой стыд!». К радости Троцкого, «школа и комсомол широко пользовались детьми для разоблачения, устыжения, вообще «перевоспитания» пьянствующего отца или религиозной матери» (у трубадура перманентной революции не могло быть в русской семье трезвого отца. – Ю. Белов). Активно использовался метод «потрясения родительского авторитета в самых его основах». В 1926 году был принят закон (!), по которому законный брак уравнивался с бытовым сожителем (свобода любви!). Всю дореволюционную (тысячелетнюю!) историю России Бухарин называл «рабской», «азиатской», а русский народ «нацией Обломовых».

С середины 30-х годов кардинально меняется оценка прошлого нашего Отечества. Началом тому послужило принятое в 1934 году постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Оно восстановило историческую науку. Из ссылки и тюремного заключения возвращены видные русские историки, осужденные за «монархизм» и «шовинизм». Изданы новые учебники. В них история классово-борьбы представлена в деяниях народных масс. Но представлена и история борьбы за национальную независимость Руси – России, символом которой являлись великие исторические личности – Александра Невского, Дмитрия Донского, Петра I, Александра Суворова и Михаила Кутузова. До этого в школьных учебниках их имена были преданы поношению. Теперь же они становились национальной гордостью.

Уже в конце 1930 года Сталин решительно выступил против оскорбления в «пролетарской литературе» (Демьян Бедный, др.) русского национального характера и беспощадно бичевал бытующее у архилевых авторов суждение о том, что «Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения». Неотвратимость войны против СССР была очевидной. Она диктовала необходимость обращения к национальному сознанию и самосознанию русского народа – ведущей силы советского общества. А это сознание и самосознание формировалось, далеко не в последнем счете, на основе этических и патриотических ценностей русского православия. Нацеленный против последнего воинствующий атеизм был не просто помехой укреплению морально-политического единства советского народа накануне войны, но грозил нанести непоправимый ущерб делу этого укрепления.

Сталин, хорошо знавший основы православия, никогда не был воинствующим безбожником, то есть человеком агрессивнo-нетерпимо относящимся к вере в Бога тогда еще большинства трудового народа (да!). Убежденный марксист-диалектик, реалист в политике, он руководствовался марксистской идеей отмирания религии, что могло произойти и происходило в Советской России в процессе изменения сознания людей с изменением ими социального бытия на социалистический лад. Это требовало времени, и немалого, а также максимального уважения к религиозному чувству верующих, поскольку оно, это чувство веры в Бога, нерасторжимо было связано с верой в свой народ, Россию. Оно было связано уже с чувством любви к Советской Родине.

Патриотизм уже становился советским, но был освящен православной верой у людей старшего поколения. Не случайно Великая Отечественная война с первых дней своих получила в народе название священной. В ней старшее поколение, в большинстве своем верующее, и поколение молодых, атеистов по убеждению, слились в любви к социалистическому Отечеству. Поэтически пронзительно связь времен и поколений Руси православной и Руси Советской выразил Константин

Симонов в своем знаменитом стихотворении «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины»

*Как будто за каждую русской
околицей,
Крестом своим рук ограждая
живых,
Всем миром сойдясь, наши
прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков
своих.*

*Ты знаешь, наверное, все-таки
родина –
Не дом городской, где я празднично
жил,
А эти проселки, что дедами
пройденны,
С простыми крестами их русских
могил.*

Воинствующий атеизм как грубое насилие над религиозным сознанием верующих грозил советскому обществу противостоянием отцов и детей, разрушением основы нравственного благополучия социалистического государства – семьи. Сталин это хорошо понимал, как и то, что православное сознание есть у верующего советского человека форма его национального сознания, уже насыщенного социалистическим идеалом социальной справедливости. И главное, что сознавал Сталин-политик, – война предстоит не на жизнь, а на смерть, война классовая, но и народная, отечественная. Война геополитическая – быть или не быть России.

Антипод Сталина – воинствующий безбожник Троцкий, отдадим ему должное, первым увидел коренной перелом в отношении ВКП(б) и Советского государства к религии. Находясь в

далеком зарубежье, он с нескрываемой злостью писал: «Ныне штурм небес, как и штурм семьи, приостановлен». В одном Троцкий ошибался: политика оголтелого атеизма была не приостановлена – с нею было покончено в сталинское время. Покончено в середине 30-х годов, до войны.

Примечателен факт, случившийся в культурной жизни страны в 1936 году. С репертуара известного тогда Камерного театра, руководимого влиятельным режиссером-модернистом Таировым, постановлением Комитета по делам искусств снимается опера «Богатыри», что была поставлена в 1932 году по пьесе Демьяна Бедного. «Опера» являла собой глумление над великим князем Владимиром и осуществленным им Крещением Руси. Постановка ее в 1932 году встречена на ура пролеткультовцами, узревшими в ней «смелую проекцию в современность». Воинствующие атеисты захлебывались от восторга.

И вот Таиров через четыре года решился на возобновление постановки пресловутой «оперы». Упомянутое постановление явилось для него и его поклонников громом среди ясного неба. Еще бы: оно было опубликовано в «Правде»! О причине снятия «Богатырей» (а по сути – их запрета) говорилось недвусмысленно: спектакль «дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа». «Правда» – центральный орган печати ВКП(б) предупредила русофобствующих атеистов: их очернительству и поношению русской истории и русского народа, их надругательству над православной верой пришел конец. Вскоре было распущено «Общество безбожников».

Говоря о недопустимости насилия над чувствами верующих (в этом Сталин неуклонно следовал Ленину), скажем и об объективной необходимости научного атеизма как средства борьбы с религиозным влиянием на массовое сознание. Социализм – результат научного преобразования общественной жизни. Он в конечном итоге ведет к формированию научного атеистического сознания, что предполагает преодоление религиозных взглядов. В сталинскую эпоху – эпоху самого решительного и

самого динамичного социалистического переустройства России (угроза войны диктовала его высокие темпы) наука, научное образование и просвещение становились обязательным условием социального прогресса. Вспомним сталинский постулат: «Кадры, овладевшие передовой техникой, решают все!»

Церковь была отделена от государства и религия являлась частным делом по отношению к государству. Но оставались ли они нейтральны, безобидны в отношении к строительству социализма? Религиозные предрассудки, а они проповедовались как церковные каноны, – об изначальной греховности человека, о предопределенности его судьбы волею Божией, о служении только Богу и ответственности только перед ним, о Божьей каре за грехи и т.п. – препятствовали формированию в каждой личности борца. А именно такой личности требовало социалистическое преобразование жизни – личности борца-коллективиста.

Церковь же настраивала на «уединенную честность» (Чернышевский), но никак не на борьбу с несовершенством жизни. При всем уважении к чувствам верующих борьба с их религиозными предрассудками становилась неизбежной в условиях строящегося социализма. В особенности это касалось партии коммунистов – авангардной силы общества. Сталин предельно строго придерживался ключевого марксистско-ленинского вывода о том, что, признавая религию частным делом по отношению к государству, коммунисты никак не могут считать ее частным делом по отношению к партии. По его убеждению, данный вывод актуализировался наличием в СССР, в особенности в 1920-е годы, реакционного духовенства, не рискующего уже открыто выступать против Советской власти, но разлагающе действующего на души верующих иносказательными пастырскими наставлениями. В 1927 году в беседе с американской рабочей делегацией Сталин говорил об этом прямо: «Партия не может быть нейтральной в отношении носителей религиозных предрассудков, в отношении реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс... Антирелигиозная

пропаганда является тем средством, которое должно довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства».

...В 1923 году патриарх Тихон заявил о своем отказе от антисоветской деятельности. Впоследствии он приложил немалые усилия к тому, чтобы нормализовать отношения Русской Православной Церкви и Советского государства. Но его окружение тому не способствовало. Однако жизнь шла вперед, и время требовало новой генерации высшего духовенства, свободного от антисоветизма. Ей непросто было появиться: из 61 архиерея, бывших на службе у РПЦ к концу войны, 17 в канун ее отбывало заключение безвинно. Среди рядовых священнослужителей жертв мстительных наговоров и лживых обвинений оказалось много больше.

Репрессии 1930-х годов имели объективную необходимость, но и жестокие издержки субъективного характера: борьба между силами сталинского социализма и «революционного» космополитизма шла не на жизнь, а на смерть... Но высшее духовенство во главе с патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием в первый же день Великой Отечественной войны нашло в себе силы подняться выше противоречий между Церковью и государством и осталось верным патриотическому долгу русского православия. Сыграло свою историческую роль в утверждении между Русской Православной Церковью и Советским государством отношений взаимного уважения. Это имело чрезвычайно важное значение для судьбы Отечества. Накануне войны верующие в СССР составляли более половины населения страны. Духовенство и верующие РПЦ, откликаясь на призыв принять посильное участие в помощи фронту и тылу, в 1941–1944 годах пожертвовали в фонд обороны, в помощь детям-сиротам, инвалидам-воинам более 200 млн рублей (деньгами, золотыми и серебряными предметами). Из них 6 млн поступило из опустошенного блокадой Ленинграда!.. Не было ни одного даже сельского прихода на свободной от фашистских захватчиков земле, не внесшего свой вклад в общенародное дело. Служители русского православия жертвовали и жизнью своей, участвуя в партизанском движении.

Историческое значение в достижении единства Советского государства и Русской Православной Церкви в мобилизации народа на разгром врага имела встреча Сталина 4 сентября 1943 года с иерархами русского православия – патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием, митрополитом Ленинградским Алексием и экзархом Украины митрополитом Киевским и Галицким Николаем. Результат встречи трудно переоценить. По инициативе Сталина было восстановлено патриаршество, по просьбе иерархов РПЦ освобождены от тюремного заключения (по пересмотру приговора) невинно осужденные священнослужители, принято решение о возобновлении богослужения в ряде храмов и церквей. Все это свидетельствовало не только об окончательной нормализации отношений между Церковью и государством, но и о перспективе благоприятного их развития в будущем.

Сталин знал, что ряд архиереев и священнослужителей, представляющих ничтожное меньшинство православного духовенства, пошли в услужение гитлеровцам, став на путь предательства и измены Родине (митрополит Литовский и Виленский Сергей, архиепископ Филофией, протоиерей Кирилл Зайц). Но главное, что знал Сталин, – преобладающее большинство пастырей Русской Православной Церкви разделило все тяготы войны с народом, доказало свою верность Советской Родине. Именно потому отделенная от государства Церковь получила моральную и политическую поддержку вождя партии и народа, что имело большой положительный резонанс во всем православном мире – в СССР и за рубежом. Сообщение о встрече Сталина с иерархами РПЦ было опубликовано в «Правде».

Русское православие являлось сражающимся в годы Великой Отечественной. По словам Сталина, люди и вещи изменились после начала войны. Трагичная страница разногласий между Церковью и государством была перевернута. В 70–80-е годы XX века между Русской Православной Церковью и правящей КПСС установились отношения мирного сосуществования. В 1988 году страна отметила 1000-летие Крещения Руси как великое событие отечественной и мировой истории...

В настоящее время

В годы перестроечного раскола советского общества высшие иерархи РПЦ занимали поначалу позицию нейтралитета – не было заявлений ни «за», ни «против» с их стороны относительно устремления «демократов» к реанимации психологии и идеологии времен Гражданской войны. Лишь один митрополит Ленинградский и Ладужский Иоанн увидел в перестройке русофобию, стремление Запада импортировать в Россию свои «общечеловеческие» ценности. Он один заявил тогда во всеуслышание: «Америка России – не указ». Не исключаем, что близкие ему по духу были и есть среди высшего духовенства, но они молчали тогда, как молчат и сейчас.

В пору разгула ельцинизма, что продолжается и в наши дни, церковные иерархи во главе с патриархом Алексием II, при всей сдержанности его публичных выступлений, приняли сторону новой власти. Чем это обернется, да уже оборачивается для Церкви? Не тем ли расколом православного мира, что случился в начале XX века? Люди, глубоко верующие, думающие о судьбе страны и Церкви, не могут обойти стороной эти вопросы. «Церкви, – говорит русская писательница Вера Галактионова, – сейчас все труднее удерживать религиозное благодушие среди христиан. Прихожане, уже поделенные на VIP-православных и православное отребье, при таком социальном расслоении начнут вот-вот отпадать от веры. Раскол на чудовищно богатых и чудовищно бедствующих нельзя замаскировать. И он имеет одну тенденцию – к еще большему расслоению. А это – почва для нарастания взаимной вражды среди людей. Обойдется ли страна без стихийной революции?» («Литературная газета», № 26, 2011 г.).

Проблема социального раскола – кричащая в российском обществе. Внятного отношения к ней высшее священство РПЦ до сих пор не высказало. На Всемирном Русском Народном Соборе много говорится об угрозе для России, нарастающей в ней бездуховности и безнравственности, что, безусловно, верно. Но воздействует ли это на главных виновников массового

аморализма и жестокосердечия – на космополитическую элиту капитала (а она правит бал) и на власть, маскирующую свой космополитизм флиртом с русским православием? Взывать к исполнению олигархами, их менеджерами и прочей их обслугой заповедей христианской морали, взывать к совести обогатившихся за счет обнищания народа – все равно что требовать от насильников соблюдения правил хорошего тона при обращении с жертвами насилия.

Тщетность нравственных проповедей, обращенных к безнравственной власти, осознается все большим числом верующих. Их большинством осознается и пагубность антисоветизма для нравственно-духовного единства народа. К сожалению, со времени интронизации патриарха Кирилла антисоветские мотивы часто стали слышны в выступлениях активных деятелей РПЦ, нередко приглашаемых на радио и телевидение. Антисоветизм не только безнравственен, но и иррационален. А как иначе можно сказать о стремлении отрицать советское бытие и сознание народа между 1917 и 1991 годами? Была ли на это отрицание воля Церкви? Ее не было и не могло быть, ибо Церковь, по канонам русского православия, есть не только священнослужители, но весь православный мир, включающий в себя православных, ныне здравствующих, и всех ушедших в мир иной, начиная с Крещения Руси в 998 году. В их нескончаемом ряду находятся и православные, отдавшие свою жизнь за Советскую Родину.

Известный русский мыслитель, человек православный, глубоко верующий В.В. Кожин в 2000 году, когда в ходу оказалась утопическая идея возвращения России к бытию и сознанию более чем восьмидесятилетней давности, писал: «Конечно, за более чем тысячелетнюю историю нашей Церкви те или иные ее деятели неоднократно «вмешивались» в «мирские» дела, но это были проявления именно их воли, но не воли Церкви как таковой».

Антисоветизмом ряд деятелей РПЦ пытаются затемнить правду истории, а именно: скрыть от верующих тот факт, что в самодержавной России не было благополучного положения Церкви. О каком ее благополучии может идти речь, если по

указу Петра I священник обязан был доносить властям тайну исповеди верующих? В царствование Николая I это уже стало общеизвестной практикой, отчего авторитет священнослужителей пал ниже критического уровня. Отождествление православия с самодержавием (верующий – значит монархист) привело к подрыву веры в народе, потому как ненавистное крепостное право связывалось в сознании крестьянства с самодержавной властью и послушной ей Церковью. Неслучайно при Николае I и позже расцветает старообрядчество – форма протеста против зависимости русского православия от царской власти. Подчиненное положение Русской Православной Церкви по отношению к государству сделало ее в народном сознании ответственной за все вины самодержавия. В первую очередь за такую из них, как безземелье русского крестьянина.

Зависимая от монарха Церковь утратила свою духовную свободу, свободу совести. Конечно же, не каждый священник соглашался на исполнение фискальных обязанностей, которые определены были указом Петра I и в дальнейшем, вплоть до февраля 1917 года, негласно требовались от пастырей РПЦ. Авторитет Церкви поддерживали еще старцы – праведники, дававшие пример духовного стоицизма: Иоанн Кронштадтский и плеяда старцев Оптиной пустыни (отцы Амвросий, Иосиф, Варсонофий и др.). Однако все это не спасало положения: Русская Православная Церковь лишилась духовной самостоятельности и независимости.

Признание данного факта пришло к высшему духовенству РПЦ в советское время, о чем нынешние церковные иерархи предпочитают не вспоминать. В 1930 году тогдашний глава РПЦ митрополит Сергей говорил: «Надо сказать, что несчастье Церкви состоит в том, что она в прошлом, как это всем хорошо известно, слишком срослась с монархическим строем. Поэтому церковные круги не смогли своевременно оценить всего значения совершившегося великого социального переворота и долгое время вели себя как открытые враги соввласти». Это признание хорошо известно современному высшему священству РПЦ, но оно ни за что не решится представить его верующим, поскольку

ку в нем, данном признании, содержится осуждение антисоветизма. А он нужен сегодня церковным иерархам, чтобы прежде всего прикрыть им социальный (читайте – классовый) раскол России. Нет ничего пагубнее для страны и народа, чем этот раскол. Он тот же, что был в начале XX века.

Без преодоления социального раскола не спасти русский народ. А без русского народа не будет ни русского православия, ни России. Именно угроза гибели великого народа реальна сегодня. Случайно ли нынешние властители вбивают в массовое сознание понятие «российская нация», ни слова не говоря о титульной русской нации? Сравните данное позорное явление с ему противоположным – возвышением политическим руководством страны русской нации в военные и послевоенные годы. Вспомним знаменитый тост Сталина, произнесенный им на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года: «Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза». Часто ли слышим мы сегодня голос пастырей Русской Православной Церкви если не во славу, то в защиту русской нации? Увы, редко это происходит, очень редко.

Для коммунистов России вопрос не только их отношения к религии и Церкви, но и отношения масс (реальных людей, какие они есть на данный момент) не может быть второстепенным. Когда создавалась большевистская партия, большинство трудящихся верило в Бога. Тогда, в начале XX века (1909 г.), Ленин считал и утверждал: «Мы должны не только допускать, но сугубо привлекать всех рабочих, сохраняющих веру в Бога, в с.-д. партию». И после победы Октября он выступал за то, чтобы «допустить с рядом особо ограничительных условий, оставление в партии верующих, но заведомо честных и преданных коммунистов».

Сталин, как бы продолжая эту ленинскую мысль, говорил: «У нас нет таких условий приема в члены партии, которые бы требовали от кандидата в члены партии обязательного атеиз-

ма». Ограничительным условием для верующих, по Ленину, было прежде всего – никакой пропаганды внутри партии религиозных взглядов и недопустимость превращения такой пропаганды в главную задачу своей политической деятельности. С данными ограничениями верующие находились в рядах партии до конца 20-х годов минувшего века. Ожесточение идеологической борьбы в ВКП(б) с конца 20-х и до середины 30-х годов имело одним из своих следствий прекращение приема в партию верующих, хотя никаких решений по данному вопросу не принималось.

К сожалению, практика неприема верующих в ряды коммунистов просуществовала до последних дней КПСС. Возрожденная в 1993 году партия коммунистов России – КПРФ – восстановила свободу совести для каждого ее члена. На сегодняшний день в ней уже немало верующих. Воинствующий атеизм недопустим в КПРФ. Противоречие между принятой верующим материалистической программой партии и его религиозными воззрениями есть его личное противоречие, и оно не подлежит обсуждению. Прием в ряды коммунистов верующих давно стал нормой в коммунистических партиях Китая, Кубы, Вьетнама.

КПРФ не отрицает религию и Церковь, что было бы равно отрицанию верующих, составляющих в нынешней России большинство народа. КПРФ борется против превращения религии и Церкви в инструмент и средство эксплуатации трудящихся, в механизм государственной машины подавления их интересов. КПРФ не воюет с духовенством, помогающим верующим жить по христианским заповедям. КПРФ выступает против тех деятелей Церкви, что преисполнены стремления к воинствующему антисоветизму и клерикализму (проникновению, вопреки Конституции РФ, религии и Церкви в дела государства, в дела мирские). Клерикализм, что давно доказано историей, опасен для самой Церкви.

Что касается принципиальных положений, руководствуясь которыми КПРФ выстраивает свои отношения с русским православным миром, то они, что мы пытались показать, изложены в трудах Ленина и Сталина и воплощены в их политической и го-

сударственной деятельности. Еще раз останавливаться на них нет необходимости. Но есть один вопрос, на коем стоит остановиться особо, – это вопрос об отношении коммунистов к русскому православию как явлению русской и мировой культуры. Ни у Ленина, ни у Сталина на этот счет конкретных высказываний нет. Но их уважительное отношение к роли русского православия в формировании великой русской культуры выражено в их деяниях, ставших историческими фактами.

Лето 1918 года. Разгар Гражданской войны. В этот напряженный до предела момент публикуется специальное постановление Советского правительства за подписью его Председателя В.И. Ульянова-Ленина о памятниках великим деятелям революционного движения, философии, науки, культуры. Список открывает Андрей Рублев.

1947 год. Земля от войны не остыла. В Андронниковском монастыре открыт музей Древнерусского искусства им. Андрея Рублева.

С Крещением Руси, принятием христианства началось развитие письменного литературного русского языка, создание при монастырях книгописных мастерских. Через книгу русское слово осваивало новые территории. Не только оружием, но и русской книгой завоевана Сибирь. Вся классическая русская литература XIX века зиждется на этических нормах русского православия – исповедальности, совестливости, сострадании ближнему, доброте и душевной щедрости... От русского православия вошли в нашу жизнь слова высокого нравственного смысла – «душа», «духовность». Коммунистам нельзя забывать об этом в борьбе за души и сердца людей.

Юрий Белов